

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-18-32

«Цензурная биография» Леонида Андреева: революционер и богоискатель

Ашихмин Андрей Витальевич

Отдел информации и научного использования документов

Российский государственный исторический архив

Санкт-Петербург, Россия

kateline11@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>

Сорина Екатерина Алексеевна

Кафедра междисциплинарных исследований в области языков и литературы

Факультет свободных искусств и наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

katesorina@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1031-0718>

Аннотация. В статье на основе ранее не опубликованных документальных материалов Главного управления по делам печати МВД и подчинённых ему Санкт-Петербургского комитета и Центрального комитета цензуры иностранной рассматриваются направления цензурной политики в отношении произведений и постановок по мотивам творчества Л.Н. Андреева в период с 1902 по 1912 г. Делается вывод о том, что большая часть проанализированных с позиции взаимодействия с цензурными институтами произведений преследовалась в рамках двух «генеральных направлений» – борьбы с революционной агитацией и борьбы с богохульством. Отмечается, что выводы цензурных органов зачастую противоречили решениям исполнительной власти. Цензурная критика в отношении Л.Н. Андреева рассматривается в контексте литературного процесса начала XX в., поскольку мотивы творчества писателя были во многом созвучны сложившимся в тот период времени литературным и философским направлениям.

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, русская литература, Серебряный век, цензурная политика, борьба с революцией, архивные документы

Для цитирования: Ашихмин А.В., Сорина Е.А. «Цензурная биография» Леонида Андреева: революционер и богоискатель // Культурный ландшафт регионов. 2021. Том 3. № 5. С. 18-32.
DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-18-32

Original article

“Censoring biography” of Leonid Andreev: revolutionist and godseeker

Andrey V. Ashikhmin

Department of Information and Scientific Usage of Documents
Russian State Historical Archives
Saint Petersburg, Russia
katelive11@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>

Sorina Ekaterina

Department of Interdisciplinary Studies of Languages and Literature
Faculty of Liberal Arts and Sciences
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
katesorina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1031-0718>

Abstract. The research considers the censorship policy in relation to works by Leonid Andreev in the period from 1902 to 1912, and based on previously unpublished documents of the Main Directorate Of Press of the Ministry of Internal Affairs and the St. Petersburg Committee and the Central Committee of Foreign Censorship subordinate to it. It is concluded that most of the works, which were analyzed from the point of interaction with censorship institutions were persecuted by it within the framework of two “general directions” – the fight against revolutionary agitation and the fight against blasphemy. It is noted that the conclusions of the censorship often contradicted the decisions of the executive branch. Censorship criticism of Leonid Andreev is considered in the context of the literary process of the early 20th century, since the motives of the author’s work were consonant to the literary and philosophical trends that developed at that time.

Keywords: Leonid Andreev, Russian literature, Silver Age, censorship policy, struggle against revolution, archival documents

For citation: Ashikhmin A.V., Sorina E.A. “Censoring biography” of Leonid Andreev: revolutionist and godseeker. *Cultural landscape of the regions*. 2021. Vol. 3. № 5. P. 18-32. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-5-18-32

Цензурная политика в начале XX века была тесно связана с политической борьбой. В концепт «политического» для рассматриваемого времени структурно встраивалось всё то, на чём базировалась государственная идеология. Таким образом, цензура была особенно внимательна к текстам писателей, которые вели активную общественную жизнь и были связаны с околореволюционными кругами.

То же самое касалось текстов, ставящих под сомнение господство официальной религии империи – православного христианства. Раннее творчество Л.Н. Андреева весьма нестандартно сочетало в себе близость к идеям метафизической революции и ницшеанское желание разрушить имеющийся вокруг мир. По этим причинам цензурные органы Российской империи весьма активно запрещали публиковать многочисленные произведения Андреева не столько за революционность и политический атеизм, свойственный старой литературной манере поколения Белинского-Чернышевского, сколько за ужасающие подробности в описании социокультурного пространства эпохи. Герои многих произведений писателя – истовые революционеры духа, метафизические бунтари, сумасшедшие, прокаженные и святые – все те, кто находится в бесконечном поиске истинных основ человеческого существования, обнажая несостоятельность рас пространенных в эпоху модерна бескомпромиссных идеологических подходов, ставя под сомнение многие общепринятые эстетические и этические нормы дозволенного в литературном произведении. В этом смысле сам писатель в какой-то степени повторял траектории поступков своих героев – логика биографического целого Андреева постоянно нарушалась оценками резонансных произведений и навешиванием на писателя разного рода клише в связи с их написанием [1, с. 26].

Само стремление к разрушению или переоценке моральных категорий, провозглашенное молодым Андреевым как некое творческое кредо, проявлялась даже не столько в намеренной провокационности тем и образов, сколько в эпатажной форме передачи жизненных конфликтов. Этот новаторский подход писателя к изображению важных для эпохи тем и проблем был чужд как символизму, так и реализму (особенно в рамках поздних произведений).

Стремление к переосмыслению мира и роли человека в нем на основе отрицания предшествующей традиции, не находящее при этом новое созидательное начало бытия определило, с одной стороны, особое место писателя в истории отечественной литературы, с другой – стало поводом к пристальному вниманию к нему не только со стороны читающей общественности, но и цензуры.

Таким образом, еще при жизни Леонид Андреев оказался идеологически и тематически неудобным писателем. Даже когда его работы беспрепятственно печатались в тех или иных издательствах, они часто становились предметом критики со стороны писателей и философов, принадлежащих к разным литературным направлениям.

Логичным представляется рассмотреть то, что предшествовало громким цензурным скандалам в отношении творчества Андреева, поскольку к началу XX в. в правительственных кругах писатель был известен как революционно настроенный. В создании образа «Андреева-революционера» немаловажную роль сыграло уголовное дело, заведённое на него в 1904 г. В фонде Министерства юстиции Российского государственного исторического архива сохранились материалы, освещающие этот момент биографии писателя [2]. Известно, что 12

декабря 1902 г. в зале Российского благородного собрания в Москве по инициативе Л.Н. Андреева был организован литературно-музыкальный вечер «в пользу Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцам Челябинского пункта». На этом мероприятии С.Г. Петров-Скиталец, тогдашний соратник Андреева из числа «подмаксимовиков», прочёл своё запрещённое к печати и любому воспроизведению стихотворение «Гусляр», прибавив отсутствующие ранее в тексте строки: «Земля у нас истощена...» [2, л. 1]. После поданной кем-то из присутствующих жалобы по этому делу поэт был арестован, а вместе с ним уголовному преследованию как фактический организатор вечера подлежал и Леонид Андреев. Судебные разбирательства длились почти два года, и в конечном счёте решением Московской судебной палаты от 10 января 1904 г. писатель был оштрафован на 25 рублей, в случае невыплаты которых он подлежал пятидневному аресту [2, л. 6].

Уже к 1906 г. об «Андрееве-революционере» знали некоторые представители высшей власти и даже император Николай II. В РГИА хранится подлинный всеподданнейший доклад председателя Совета министров П.А. Столыпина от 11 июля 1906 г., рассмотренный в г. Петергофе на следующий день. Документ собственноручно подписан П.А. Столыпиным и имеет помету Николая II [3, л. 38-40 об.]. В докладе обстоятельно описываются протестные события, последовавшие после роспуска императором I Государственной думы: собрание двухсот бывших депутатов 9 июля 1906 г. в Выборгской гостинице «Бельведер» и последующее подписание ими «Выборгского воззвания» с приложением листовки с текстом, митинг в Гельсингфорсе 10 июля, беспорядки в Кронштадте и Брест-Литовске 8 и 9 июля соответственно. Писатель в докладе фигурирует как приглашённый среди прочих оппозиционных деятелей на митинг рабочих и красной гвардии в Гельсингфорсе «литератор Леонид Андреев». Красочные воспоминания об этом, оставленные Е.И. Замятиным, были изданы в 1922 г.: «Все связывали Леонида Андреева с «Мыслью», с «Василием Фивейским», но Леонид Андреев и революция... это был совсем новый Андреевский лик, – и вся русская колония повалила доставать билеты на митинг» [4, с. 170].

В докладе сообщается, что бывшие члены Государственной думы Седельников, Михайличенко, Гамартелли и писатель Леонид Андреев «произнесли речи, в которых протестовали против роспуска Думы, находя этот акт незаконным и нарушающим права народа и заявляя, что Дума добровольно не разойдётся» [3, л. 39 об.].

Ввиду того, что на пике писательской популярности проза Андреева издавалась за границей, в частности, в немецком Штуттгарте, некоторые его произведения рассматривались в рамках заседаний Центрального комитета цензуры иностранной МВД. Доклады цензоров с их разбором отложились в делах одноимённого фонда РГИА (ф. 779).

Символисты упрекали Андреева, в первую очередь, в антихудожественности, но главное (и в этом с символистами были зачастую солидарны цензоры) – их настораживали богоборческие настроения его текстов. Переосмысление христианской традиции действительно являлось неотъемлемой частью художественной позиции Андреева и обозначилось вместе со вступлением писателя на обозначенный критиком Измайловым «литературный олимп» [8, с. 255-319]. В этом смысле его творчество отражает противоречия христианской культуры, проблему веры и неверия, связанную с революционным атеизмом, который об-

нажился в государстве и обществе вместе с началом господства позитивизма в рамках научной картины мира [5, с. 175-177].

Существенные проблемы с цензурой возникли у Андреева в связи с выходом в свет рассказа «Христиане» в 1905 г. Анализируя ситуацию, предшествующую публикации текста, Л.А. Иезуитова точно воспроизводит ожидания близкого друга писателя: «Горький не сомневается в том, что Миролубов не опубликует рассказа по нескольким причинам. Первая: Горький вместе с Андреевым, Вересаевым вступили с редактором «Журнала для всех» в конфликт из-за увлечения редактора вопросами религии... Вторая: рассказ, как думает Горький, носит «анти-» христианский, клерикальный, «новопутейский» характер, безусловно, негативный по отношению к богоискательству декадентов» [6, с. 363].

В рассмотренном на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД 5 июля 1906 г. рассказе «Христиане», изданном в 1905 г. в Штутгарте, цензор назвал Андреева «модным русским писателем» [7, л. 356]. Как ни странно, цензура обратила первостепенное внимание отнюдь не на покушение автора на христианские ценности, а на фактологические несогласованности в описании процесса судебного заседания. Цензор был возмущен тем, что сюжет строится на пространных монологах отказывающейся принять присягу в зале окружного суда свидетельницы лишь на том основании, «что она проститутка, следовательно, по её мнению, не христианка». Цензор посчитал нужным критически прокомментировать фактологические противоречия сюжета: «Сам по себе факт такой весьма возможен, но едва ли можно допустить, что какой-нибудь председатель стал бы смаковать такой сюжет, позволяя даже посторонним лицам, другим свидетелям пускаться в рассуждения по этому поводу, высказывать свои предположения и соображения» [7, л. 356 об.]. Таким образом, в рассказе с очевидной проблематизацией поля христианской этики цензор находит несправедливое отношение к судебным институтам империи. В выводах он пишет о том, что «такое отношение автора к суду можно даже рассматривать как желание дискредитировать его, умалить его престиж» [7, л. 357].

Тем не менее, даже рассказ главной героини Пелагеи Карауловой об обряде шуточного венчания с посетителями публичного дома цензор не расценил как кощунство. «Едва ли можно усмотреть в приведённом месте кощунственное отношение к таинству брака. Если же место это Комитет признает возможным пропустить, то и весь рассказ должен быть дозволен» [7, л. 357]. Присутствовавшие на заседании действующие члены Центрального комитета цензуры иностранной дали положительное решение на пропуск этого рассказа в печать.

История о Пелагее Карауловой, не готовой давать присягу в суде на том основании, что является проституткой (следовательно, антихристианкой), с одной стороны, кажется довольно примитивной, учитывая легко считываемые в ней библейские подтексты и интертекстуальные литературные аллюзии. Однако бескомпромиссная позиция автора, разоблачающая всех «христиан» рассказа, выделяет этот текст среди прочих произведений русской литературы.

Вместе с тем, было бы неверно считать, что в рассказе разоблачается христианство как таковое, или полагать, что сатира текста направлена исключительно на неполноценность мещанской религиозности. Поскольку трагедия «Христиан» – это прежде всего трагедия Бога, который вдруг оказался никому не нужен, рассказ Андреева становится символом модернистского кризиса веры. Проститутка Андреева не раскаивается и, подобно Соне Мармеладовой, не мо-

жет быть «подменена» святой; но и общество, взявшее на себя ответственность по «отпущению грехов» Карауловой, скомпрометировано. В рассказе они взаимно ничтожны. Ничтожность главных героев «Христиан» в свете комплексного литературоведческого анализа всего творчества Леонида Андреева – это не абсурдное по своей сути «мещанское» непонимание кризиса религиозности, а общечеловеческая черта новой модернистской эпохи, которая, по Хайдеггеру, уже «не в состоянии замечать отсутствия Бога в качестве отсутствия» [9, с. 26].

На заседании того же Комитета 24 октября 1907 г. прозвучал доклад цензора с разбором рассказа «Губернатор», изданного в 1906 г. в Штуттгарте. Кратко пересказывая присутствующим сюжет, цензор весьма своеобразно интерпретировал некоторые сюжетные линии. Например, «рабочие пришли в город к губернатору..., предъявляя неисполнимые требования». Далее посредством выдвигания оценочных суждений цензор как бы заранее оправдывает губернатора, выстраивая дихотомию «законная власть – непослушный народ»: «Так как вели они [рабочие – *А.А., Е.С.*] себя крайне дерзко и вызывающе, то дело кончилось тем, что губернатор распорядился стрелять в них, причём сорок семь человек было убито, а раненых ещё больше» [10, л. 343]. Далее цензор, пытаясь произвести репрезентацию эмоций героя губернатора, встаёт на позицию простого народа, пытаясь выражаться примитивно: «Кто же именно убьёт его? Да народ, общество, как говорят мужики. А почему? Потому, что народ желает его смерти, крови за пролитую кровь» [10, л. 344]. На печать и распространение текста произведения был наложен запрет, исходя из выводов, сделанных цензором в докладе: «Из этого пересказа можно заключить, что идея автора если не восхваление политических убийств, то во всяком случае признание их законными средствами со стороны народа» [10, л. 344 об.].

В рассказе существенным оказывается не столько сам акт убийства градоначальника неким безызвестным террористом, сколько экзистенциальная тьма вопросов и сомнений, возникающих в голове человека перед лицом смерти. Далеко не случайно в литературоведческой традиции именно этот рассказ становится главной точкой сопоставления творчества самого Андреева и наследия «еретика» Л.Н. Толстого [11, с. 344-346].

Конечно, не глубина авторского замысла с экзистенциальными идеями и метафизическими вопросами о смысле жизни и смысле смерти обращала на себя внимание органов цензуры. Предметом их критики становилась та же пропаганда революционных идей, которую они безоговорочно считывали с ницшеанской идеи возмездия, фигурирующей на страницах повести.

Существует несколько версий о реальных подтекстах «Губернатора». Часть исследователей склоняется к тому, что прототипом Петра Ильича мог стать великий князь Сергей Александрович – московский генерал-губернатор, погибший в результате террористического акта 4 февраля 1905 г. По другой версии, это – уфимский градоначальник Н.М. Богданович, также убитый в результате нападения эсеров 6 мая 1903 г. Так или иначе, установление прототипического события или лица не играет существенной роли в понимании произведения, поскольку фокус читательского внимания направлен не на террористический акт как таковой, а на предшествующие ему события.

Тот же цензор рассматривал парижское издание рассказов Леонида Андреева на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД 30 апреля 1908 г. Франкоязычный сборник в переводе Сержа Перского (*Andréief Le-*

onide. Nouvelles. Traduides du russe par Serge Persky. Paris, 1908) не был допущен к распространению, поскольку большую его часть занимал ранее запрещённый рассказ «Губернатор». В выводах доклада цензор акцентировал внимание на одиозном, по его мнению, предисловии: «Хотя рассказ этот на французском языке, может быть, и не столь заслуживал бы строгости цензуры, как на русском, но всю книжку портит, несомненно, предисловие Перского, превозносящего таких мучеников за свободные идеи, как Короленко, Горький, Андреев, Вересаев, и нападающего на цензуру и репрессию администрации в отношении этих выдающихся писателей» [12, л. 91-91 об].

В меньшей степени цензурная критика затронула изданную в Штуттгарте в 1906 г. пьесу «Савва». Если вышеупомянутые «Христиане» – это манифест Андреева, свидетельствующий о кризисе христианской парадигмы в начале XX века, тогда «Савва» – это произведение, предполагающее всматривание в те модели поведения, которые складываются в эпоху *fin de siècle*, то есть в «умершего» Бога. Еще формально принадлежа к кругу «знаньевских реалистов», Андреев часто обращался к политически табуированным сюжетам. Героями его произведений становились нигилисты, анархисты и бунтари, образы которых диктовала эпоха и революционно настроенное окружение писателя.

Сам Андреев, выдвигая на первый план образы героев-бунтарей, всячески избегал пропаганды радикальных идей и каких бы то ни было оценочных суждений. Так, предугадывая обвинения в адрес пьесы «Савва», он писал: «Задача пьесы, как по крайности старался я сделать, – отнюдь не агитационная. Это попытка дать синтез российского мятежного духа в различных крайних его проявлениях. С этой точки зрения центральная фигура Саввы равноценна трем другим: Царю Ироду, Сперанскому, Тюхе» [14, с. 389].

Не привыкшие к глубокой и долгой работе над текстами цензоры были склонны интерпретировать те или иные события, описанные в них, односторонне. Судьба Саввы трактуется однозначно: «Дело [взрыв иконы – А.А., Е.С.] не удаётся, и Савва растерзывается богомольцами. Таким образом, по ходу пьесы Савва получает должное возмездие за проявление своих зверских инстинктов» [13, л. 486]. Пьеса была допущена к постановкам, за исключением упомянутых цензором в тексте выдержек («Вымести этот хлам: литературу, искусство, бога» и т.д.).

Для органов политического сыска и цензуры, начиная с революционных событий 1870-х гг., был характерен поиск радикальных группировок практически во всех слоях общества. В начале XX в. это касалось, в первую очередь, политически активной части творческой интеллигенции. Одним из свидетельств подобного рода поиска является встраивание в революционно-демократический контекст всех писателей, так или иначе выразивших политическую позицию, отличную от верноподданнической.

17 февраля 1911 г. в период всплеска державно-националистических настроений в обществе директор Департамента полиции МВД А.А. Катенин с пометкой «срочно» сообщает начальнику Главного управления по делам печати МВД А.В. Бельгарду: «Поступили из совершенно секретного источника сведения о том, что Леонид Андреев, Сергеев-Ценский, Чёрный, Чуковский, Койген и некоторые другие писатели, придерживающиеся радикальных демократических взглядов, решили по инициативе Леонида Андреева выпустить сборник публицистических статей, осуждающих так называемое реакционное направление по-

литики правительства и имеющих целью поднять оппозиционное настроение в обществе» [15, л. 45]. Этот сборник так и не был издан, вероятнее всего, по организационным причинам.

Цензуре также подвергались издания, посвящённые собственно творчеству Л.Н. Андреева. 28 мая 1903 г. была запрещена рукопись книги «Собрание писем и статей по поводу рассказа Леонида Андреева «В тумане» с формулировкой: «Все вошедшие в состав этого сборника отзывы как отрицательные, так и хвалебные, о нашумевшем некогда рассказе Л. Андреева, будучи собраны здесь воедино и сгруппированы под названием, явно указывающим на истинную цель составителя, представляют из себя кричащую рекламу произведению, оскорбляющему общественную нравственность и получившему и без того распространение более широкое, чем то было бы желательно с цензурной точки зрения» [16, л. 178 об.].

Поскольку громкую литературную славу писателю Андрееву принесли именно пьесы, то вопрос об их рассмотрении цензурой стоит несколько обособленно, поскольку они не только печатались, но и ставились на сценах театров. Публикация и постановка наиболее нашумевших пьес – «Жизни Человека» и «Анатэмы» – вызвали широкий общественный резонанс в крупных городах империи.

Постановка пьесы «Жизнь Человека» в Одессе стала причиной протестов со стороны националистических и черносотенных организаций, в частности, Одесского союза русских людей. Его председатель Родзевич посылал телеграммы на имя обер-прокурора Святейшего Синода, в одной из которых сообщал: «Пять дней сряду ставится кощунственная драма Андреева «Жизнь Человека»; на сцене выведен Бог, которому человек произносит страшные проклятия. Первый спектакль прошёл со страшным скандалом. Растёт возбуждение одной части населения против другой. Бессильный остановить безмерное негодование православных, прошу принять зависящие меры и отменить дальнейшие спектакли» [17, л. 2].

Из канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода жалоба на пьесу была передана в Главное управление по делам печати МВД, начальник которого сообщил Одесскому губернатору о том, что «Жизнь Человека» ранее была допущена к постановкам «на сцене одного из столичных частных театров, выдержала целый ряд представлений и никаких недоразумений не вызывала» [18, л. 3]. Однако в провинции большинство спектаклей сопровождалось беспорядками, возникшими вследствие того, что часть зрителей усмотрела кощунство в одном из действующих лиц пьесы («Некто в сером») и требовала прекращения представления. Другая часть публики настаивала на продолжении спектакля.

Поскольку с 1880-х гг. постановления драматической цензуры могли быть исполнены на усмотрение местной администрации, то было принято решение «дозволять пьесу «Жизнь Человека» лишь в том случае, если добросовестность антрепризы может служить ручательством надлежащего исполнения этой пьесы и если не имеется в виду иных причин, заставляющих опасаться нарушения порядка во время представления». Иными словами, разрешение постановки зависело от конкретного решения местной администрации.

Проблема «Жизни Человека», как и многих других произведений Андреева, заключается в отстранении от христианского понимания Бога (именно по-

этому перед нами уже не Бог, а «Некто в сером») – этого требует сама эпоха, культура которой транслирует кризис традиционного религиозного сознания.

Не менее резонансная история произошла с постановкой пьесы «Анатэма» в московских театрах. 12 октября 1909 г. митрополит Московский и Коломенский Владимир обратился к Московскому градоначальнику А.А. Адрианову с просьбой запретить постановки по мотивам произведения, поскольку оно является «богохульнейшей карикатурой на христианство» [19, л. 16]. Также церковный иерарх подчеркнул, что «в целом ряде сцен этой пьесы содержат карикатурные аналогии различных моментов евангельской жизни Господа Иисуса Христа, как то: в двух сценах четвертой картины явную для каждого внимательного зрителя и читателя пародию на вход Господень в Иерусалим и благословение им детей, в картине второй – кощунственную насмешку... над молитвой». В числе синонимичных конструкций, подобранных митрополитом для характеристики писателя, фигурирует выражение «беллетрист-богоборец» [19, л. 16].

Жалоба Московского митрополита не могла не вызвать «движение» в верхах. Московский градоначальник обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину: «Не усмотрев в названной пьесе ничего богохульного или кощунственного и, в то же время, не доверяя своим личным впечатлениям, я опрошил целый ряд отдельных лиц, но определённого и однообразного мнения не получил». Опрошенные А.А. Адриановым лица в своём отношении к творчеству Леонида Андреева и к конкретному произведению, как и всё интеллектуальное сообщество того времени, разделились на условные группы: первые «находят её гениальным произведением по глубине производимой идеи», другие – «находят её бессмысленной, хотя и не видят в ней ничего богохульного и кощунственного», третьи – «относятся отрицательно к названной пьесе, как и ко всем вообще произведениям Леонида Андреева, четвёртые – «не видя пьесы, отказываются её смотреть потому, что пьеса эта, по их словам, есть сплошное оскорбление религиозного чувства христиан» [20, л. 14].

Ссылаясь на решение цензурных органов, «Анатэма» была одобрена к постановке. Одобрение спорной с сюжетной и смысловой точек зрения пьесы даже после жалобы Московского митрополита вызвала ещё более бурное негодование правых сил, для которых одним из основных инструментов политического давления была христианская риторика. Вскоре она переросла в откровенно политические заявления. Губернаторы в срочных телеграммах массово жаловались на постановку «Анатэмы» в их городах (особенно в городах с большим числом проживающих в них евреев) и говорили о возможности «нежелательных обострений» ввиду тенденциозности и кощунственного характера пьесы.

Главным прецедентом к окончательному запрещению постановок пьесы стало обращение представителей Общего собрания Астраханской народной монархической партии Союза русского народа к П.А. Столыпину, в котором они в довольно жёстких выражениях обвиняли политика в расшатывании христианской этики народа: «Несмотря на протесты духовенства и верующей части населения по приказанию вашему разослан всем губернаторам циркуляр, которым кощунственная пьеса Андреева «Анатэма» разрешена к постановке. Насколько нам известно, циркуляр этот вызван ходатайством перед вами нескольких антрепренеров-жидов... С разрешения и одобрения правительства, во главе которого вы стоите, развратные и богохульственные книги находятся в свободном обращении; развратные и богохульственные пьесы, вроде «Радия в чужой постели»,

«Амура в ванне», «Жизнь Человека» и «Анатэмы» Андреева, не сходят со сцен к великому соблазну нравственной и религиозной части населения и в угоду кучке развращённой интеллигентной черни» [21, л. 33].

В данном случае конгруэнтен концепт «хороший царь – плохие бояре». Черносотенцы ставят председателю Совета министра ультиматум: «Если и после настоящего протеста нашего, вы, ваше превосходительство, не примите немедленных мер к прекращению дальнейшей проповеди безнравственности и богохульства при помощи книг, театра и синемаграфов, то наше последнее средство – это обратить внимание его величества [Николая II – А.А., Е.С.] на подобное вредное попустительство правительства».

Леонида Андреева невозможно упрекнуть в абсентеизме. Несмотря на общефилософскую и метафизическую отрешенность героев большинства его произведений, сам писатель всегда оставался восприимчив к актуальным политическим вопросам той эпохи, в которую ему довелось жить и творить. Наряду с художественным наследием, сохранились статьи и обращения; сохранились дневники и письма, в которых мы находим подтверждение активной общественной позиции автора.

Прежде всего, Андреев остро реагировал на несправедливость в любых ее проявлениях. В годы существенного подъема антисемитских настроений вместе с Сологубом и Горьким он обращался «ко всем честным и разумным русским людям» с требованием признать ненависть к евреям как явление «постыдное, невыносимо постыдное»: «Нам кажется трагическим положение евреев в России. Вы знаете, что несмотря на свое бесправие в стране, евреи всегда принимали энергичное участие в культурной жизни русского общества, в его борьбе за свободу, право, за лучшее будущее. Вам известно также, что в тяжкие для нашей страны дни, еврей рука об руку с русскими, не щадя своей жизни, защищают Русь от врага...» [22].

Как бы ни менялась идеологическая парадигма в России, Андреев всегда оставался в меньшинстве. Упреки в кощунстве, сопровождавшие запреты на постановку пьес писателя при имперской власти сменялись новыми запретами и новыми обвинениями. Именно поэтому долгое время имя Леонида Андреева находилось в забвении как институционально, так и у читающей публики.

Однако однозначные выводы марксистской историографии, отождествлявшей «цензурные гонения» на Андреева с преследованиями Горького и прочих «сочувствующих революции» литераторов должны быть пересмотрены ввиду неоднородности и структурной противоречивости такого значимого явления, как цензурная политика в Российской империи в начале XX в. Подробное изучение небольшого пласта цензурных документов, хранящихся в фондах РГИА, не позволяет делать выводы о тотальном преследовании со стороны органов имперской цензуры писателей, близких к общественно-политической оппозиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Летагин Л.Н. «Человек поступающий»: опыт эстетической аналитики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Т. 4. № 7. С. 25-33.
2. РГИА. Ф. 1405. Оп. 104. Д. 8115. О привлечении к уголовной ответственности писателя Л. Андреева.

3. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 17. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.А. Столыпина от 11 июля 1906 г. по вопросу протестных событий в Выборге, Гельсингфорсе, Кронштадте и Брест-Литовске, связанных с роспуском I Государственной думы, с пометой Николая II. Л. 38-40 об.
4. Книга о Леониде Андрееве: воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина, А. Белого. Пб.; Берлин: З.И. Гржебин, 1922. 192 с.
5. Жуковская Т. Н., Ашихмин А. В. О религиозности университетского человека, ее основаниях и трансформациях (на материалах Санкт-Петербургского университета XIX века): к постановке проблемы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 165-180.
6. Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века. СПб.: Петрополис, 2010. 740 с.
7. РГИА. Ф. 779. Оп. 4. 1906 г. Д. 302. Л. 356-357. Доклад цензора на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД с разбором рассказа Л.Н. Андреева «Христиане» от 5 июля 1906 г.
8. Измайлов А.А. Леонид Андреев // Измайлов А.А. Литературный олимп. М.: Тип. И.Д. Сытина, 1911. С. 255-319.
9. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии / Пер. с нем. Н.Ф. Болдырева. М.: Водолей, 2017. 240 с.
10. РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 306. Л. 343-344. Доклад цензора на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД с разбором рассказа Л.Н. Андреева «Губернатор» от 24 октября 1907 г.
11. Келдыш В.А. К проблеме литературных взаимодействий в конце XIX – начале XX века // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 344-346.
12. РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 308. Л. 91 с об. Доклад цензора на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД по поводу сборника рассказов Леонида Андреева, изданном на французском языке в переводе Сержа Перского (Andréief Leonide. Nouvelles. Traduides du russe par Serge Persky. Paris, 1908) от 30 апреля 1908 г.
13. РГИА. Ф. 779. Оп. 4. Д. 307. Л. 485-486. Доклад цензора на заседании Центрального комитета цензуры иностранной МВД с разбором пьесы Л.Н. Андреева «Савва» от 17 февраля 1908 г.
14. Неизданные письма Леонида Андреева (К творческой истории пьес периода первой русской революции) // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 119: Труды русской и славянской филологии. V. Литературоведение. Тарту: ТГУ, 1962. С. 378-393.
15. РГИА. Ф. 777. Оп. 16. 1910 г. Д. 278. Л. 45. Срочное уведомление директора Департамента полиции А.А. Катенина начальнику Главного управления по делам печати МВД А.В. Бельгарду от 17 февраля 1911 г. о намерении некоторых писателей выпустить публицистический сборник с осуждением правительства.
16. РГИА. Ф. 776. Оп. 22. 1904 г. Д. 1. Л. 178 с об. Список подцензурных периодических изданий, выходивших в течение 1903 года.
17. РГИА. Ф. 776. Оп. 25. 1907 г. Д. 913. Л. 2. Копия телеграммы председателя

- Одесского союза русских людей обер-прокурору Святейшего Синода от 6 апреля 1907 г. с просьбой запретить постановки по мотивам драмы Леонида Андреева «Жизнь Человека».
18. РГИА. Ф. 776. Оп. 25. 1907 г. Д. 913. Л. 3. Отношение начальника Главного управления по делам печати МВД Одесскому губернатору от 18 апреля 1907 г. о допущении пьесы Леонида Андреева «Жизнь Человека» к постановкам в театре.
 19. РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 958. Л. 16. Отношение митрополита Московского и Коломенского Владимира Московскому градоначальнику А.А. Адрианову от 12 октября с просьбой запретить постановку трагедии Л. Андреева «Анатэма».
 20. РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 958. Л. 14. Донесение Московского градоначальника А.А. Адрианова министру внутренних дел П.А. Столыпину от 19 октября 1909 г. о жалобе митрополита Московского и Коломенского Владимира на постановку пьесы Леонида Андреева «Анатэма» в московских театрах.
 21. РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Д. 958. Л. 33. Отношение Общего собрания Астраханской народной монархической партии Союза русского народа председателю Совета министров П.А. Столыпину от 2 декабря 1909 г. с жалобой на разрешение ставить пьесу Леонида Андреева «Анатэма».
 22. РГИА. Ф. 1101. Оп. 1 Д. 1139. Обращение Максима Горького, Леонида Андреева и Фёдора Сологуба «ко всем честным и разумным русским людям» о необходимости борьбы с антисемитизмом и с предложением ответить на вопросы, связанные с этим обращением.

REFERENCES

1. Letyagin L.N. «Chelovek postupayushchij»: opyt esteticheskoy analitiki [The acting man: experience of aesthetics analysis]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [News of Russian State Herzen University]. 2004. P. 4. No 7. Pp. 25-33 (In Russ.).
2. RGIA. F. 1405. Op. 104. D. 8115. O privlechenii k ugolovnoj otvetstvennosti pisatelya L. Andreeva [About prosecution of Leonid Andreev]. (In Russ.).
3. RGIA. F. 1328. Op. 2. D. 17. Vsepoddannejšij doklad ministra vnutrennih del P.A. Stolypina ot 11 iyulya 1906 g. po voprosu protestnyh sobytij v Vyborge, Gel'singforse, Kronshtadte i Brest-Litovske, svyazannyh s rospuskom I Gosudarstvennoj dumy, s pometoj Nikolaya II. L. 38-40 ob. [Report of a Minister of Internal Affairs about protests in Vyborg, Helsingfors, Kronstadt and Brest-Litovsk attached to dissolution of the State Duma. P. 38-40 turn.]. (In Russ.).
4. Kniga o Leonide Andreeve: vospominaniya M. Gor'kogo, K. Chukovskogo, A. Bloka, G. Chulkova, B. Zajceva, N. Teleshova, E. Zamyatina, A. Belogo [The book about Leonid Andreev: memories of Maxim Gorkiy, Korney Chukovskiy, Alexander Blok, Georgiy Chulkov, Boris Zaytsev, Nikolay Teleshov, Evgeniy Zamyatin, Andrey Beliy]. Petersburg; Berlin: Z.I. Grzhebin, 1922. P. 170. (In Russ.).
5. Zhukovskaya T.N., Ashihmin A.V. O religioznosti universitetskogo cheloveka, ee osnovaniyah i transformacijah (na materialah Sankt-Peterburgskogo universiteta XIX veka): k postanovke problemy [Of religiosity universants, its basis and

- transformations (based on materials of Saint Petersburg University of XIX century]. *Hristianskoe chtenie* [Christians reading]. 2021. No 3. Pp. 165-180.
6. Iezuitova L.A. Leonid Andreev i literatura Serebryanogo veka [Leonid Andreev and literature of Silver Age]. SPb.: Petropolis, 2010. 740 p. (In Russ.).
 7. RGIA. F. 779. Op. 4. 1906 g. D. 302. L. 356-357. Doklad cenzora na zasedanii Central'nogo komiteta cenzury inostrannoï MVD s razborom rasskaza L.N. Andreeva «Hristiane» ot 5 iyulya 1906 g. [Censorship report on the short story «Christians» by Leonid Andreev for July 5, 1906. P. 356-357]. (In Russ.).
 8. Izmajlov A.A. Leonid Andreev. Izmajlov A.A. Literaturnyj olimp. [Literary Olympus]. M.: Tip. I.D. Sytina, 1911. Pp. 255-319. (In Russ.).
 9. Hajdegger M. O poetah i poezii [Of poets and poetry]. Per. s nem. N.F. Boldyreva. M.: Vodolej, 2017. 240 p. (In Russ.).
 10. RGIA. F. 779. Op. 4. D. 306. L. 343-344. Doklad cenzora na zasedanii Central'nogo komiteta cenzury inostrannoï MVD s razborom rasskaza L.N. Andreeva «Gubernator» ot 24 oktyabrya 1907 g. [Censorship report on the short story «Governor» by Leonid Andreev for October 24, 1907. L. 343-344]. (In Russ.).
 11. Keldysh V.A. K probleme literaturnyh vzaimodejstvij v konce XIX – nachale XX veka [To the problem of literature interactions in the end of XIX – the beginning of XX centuries]. Keldysh V.A. O «serebryanom veke» russkoj literatury: Obshchie zakonomernosti. Problemy prozy. [Of Silver Age of Russian literature: common patterns. Problems of prose]. M.: IMLI RAN, 2010, pp. 344-346. (In Russ.).
 12. RGIA. F. 779. Op. 4. D. 308. L. 91 s ob. Doklad cenzora na zasedanii Central'nogo komiteta cenzury inostrannoï MVD po povodu sbornika rasskazov Leonida Andreeva, izdannom na francuzskom yazyke v perevode Serzha Perskogo (Andréief Leonide. Nouvelles. Traduides du russe par Serge Persky. Paris, 1908) ot 30 aprelya 1908 g. [Censorship report on the storybook of Leonid Andreev in French translated by Serge Persky for April 30, 1908. P. 91 with turn.]. (In Russ.).
 13. RGIA. F. 779. Op. 4. D. 307. L. 485-486. Doklad cenzora na zasedanii Central'nogo komiteta cenzury inostrannoï MVD s razborom p'esy L.N. Andreeva «Savva» ot 17 fevralya 1908 g. [Censorship report on the play «Savva» by Leonid Andreev for February 17, 1908. P. 485-486]. (In Russ.).
 14. Neizdannye pis'ma Leonida Andreeva (K tvorcheskoy istorii p'es perioda pervoj russkoj revolyucii) [Unpublished letters of Leonid Andreev (to the art history of drama in times of first Russian revolution)]. Uchyonye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific letters of Tartu State University] P. 119: Trudy russkoj i slavyanskoj filologii. V. Literaturovedenie. Tartu: TGU. 1962. Pp. 378-393. (In Russ.).
 15. RGIA. F. 777. Op. 16. 1910 g. D. 278. L. 45. Srochnoe uvedomlenie direktora Departamenta policii A.A. Katenina nachal'niku Glavnogo upravleniya po delam pechati MVD A.V. Bel'gardu ot 17 fevralya 1911 g. o namerenii nekotoryh pisatelej vypustit' publicisticheskij sbornik s osuzhdeniem pravitel'stva. [Urgent notification of the Director of the Police Department to Head of the General Directorate for Press Affairs about publication of a journalistic book condemning the government for February 17, 1911. P. 45]. (In Russ.).
 16. RGIA. F. 776. Op. 22. 1904 g. D. 1. L. 178 s ob. Spisok podcenzurnyh peri-

- odicheskikh izdaniy, vyhodivshih v techenie 1903 goda. [List of censored periodicals published during 1903. P. 178 with turn.]. (In Russ.).
17. RGIA. F. 776. Op. 25. 1907 g. D. 913. L. 2. Kopiya telegrammy predsedatelya Odesskogo soyuza russkikh lyudej ober-prokuroru Svyatejshego Sinoda ot 6 aprelya 1907 g. s pros'boj zapretit' postanovki po motivam dramy Leonida Andreeva «Zhizn' cheloveka». [A copy of telegram of the Chairman of the Odessa Union of Russian People to the Chief Prosecutor of the Holy Synod dated April 6, 1907, with a request to prohibit the performances based on the drama by Leonid Andreyev «The Life of a Man». P. 2]. (In Russ.).
 18. RGIA. F. 776. Op. 25. 1907 g. D. 913. L. 3. Otnoshenie nachal'nika Glavnogo upravleniya po delam pechati MVD Odesskomu gubernatoru ot 18 aprelya 1907 g. o dopushchenii p'esy Leonida Andreeva «Zhizn' cheloveka» k postanovkam v teatre. [The attitude of the Head of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs to the Odessa Governor on April 18, 1907 about the admission of Leonid Andreev's play «The Life of a Man» to theater performances. P. 3]. (In Russ.).
 19. RGIA. F. 776. Op. 25. D. 958. L. 16. Otnoshenie mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo Vladimira Moskovskomu gradonachal'niku A.A. Adrianovu ot 12 oktyabrya s pros'boj zapretit' postanovku tragedii L. Andreeva «Anatema». [The attitude of Metropolitan of Moscow and Kolomna Vladimir to Moscow Mayor A.A. Adrianov on October 12 with a request to prohibit the staging of L. Andreev's tragedy „Anatema“. P. 16]. (in Russ.).
 20. RGIA. F. 776. Op. 25. D. 958. L. 14. Donesenie Moskovskogo gradonachal'nika A.A. Adrianova ministru vnutrennih del P.A. Stolypinu ot 19 oktyabrya 1909 g. o zhalobe mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo Vladimira na postanovku p'esy Leonida Andreeva «Anatema» v moskovskih teatrah. [Report of the Moscow mayor A.A. Adrianov to the Minister of Internal Affairs P.A. Stolypin of October 19, 1909 about the complaint of the Metropolitan of Moscow and Kolomna Vladimir against the staging of Leonid Andreev's play «Anatema» in Moscow theaters. P. 14]. (In Russ.).
 21. RGIA. F. 776. Op. 25. D. 958. L. 33. Otnoshenie Obshchego sobraniya Astrahanskoj narodnoj monarhicheskoy partii Soyuzu russkogo naroda predsedatelyu Soveta ministrov P.A. Stolypinu ot 2 dekabrya 1909 g. s zhaloboj na razreshenie stavit' p'esu Leonida Andreeva «Anatema». [Attitude of the General meeting of the Astrakhan People's Monarchist Party of the Union of the Russian People to the Chairman of the Council of Ministers P.A. Stolypin of December 2, 1909, with a complaint about permission to stage Leonid Andreev's play «Anatema». P. 33]. (In Russ.).
 22. RGIA. F. 1101. Op. 1 D. 1139. Obrashchenie Maksima Gor'kogo, Leonida Andreeva i Fyodora Sologuba «ko vsem chestnym i razumnym russkim lyudyam» o neobhodimosti bor'by s antisemitizmom i s predlozheniem otvetit' na voprosy, svyazannye s etim obrashcheniem. [The appeal of Maxim Gorky, Leonid Andreev and Fyodor Sologub «to all honest and reasonable Russian people» about the need to fight anti-semitism and a proposal to answer questions related to this appeal]. (In Russ.).

Информация об авторах: Ашихмин Андрей Витальевич – ведущий специалист Отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива
Российская Федерация,
195112, Санкт-Петербург, Заневский проспект, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>
katelive11@gmail.com

Сорина Екатерина Алексеевна – студентка IV курса, кафедра междисциплинарных исследований в области языков и литературы, факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета
Российская Федерация,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1031-0718>
katesorina@gmail.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Ashikhmin Andrey V., leading specialist of Department of Information and Scientific Usage of Documents
Russian State Historical Archives
Russia, 199034, Saint Petersburg, Zanevskiy prospect, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9830-3565>
katelive11@gmail.com

Sorina Ekaterina A., student of Department of Interdisciplinary Studies of Languages and Literature
Faculty of Liberal Arts and Sciences
Saint Petersburg State University
Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1031-0718>
katesorina@gmail.com

The authors have read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.09.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.10.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests.

© Ашихмин А.В., Сорина Е.А. 2021
© «Культурный ландшафт регионов». 2021